

ЛИМБ

Змея Спящая Лимб

<https://litres.ru/73768499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Севи́ль открывает для себя мир, где время утратило привычные границы.

Она оказывается внутри чужих жизней — среди воспоминаний, событий и судеб, которые разворачиваются перед ней, словно живая ткань прошлого. Здесь встречи не случайны, а утраты оставляют следы, исчезающие лишь на первый взгляд.

Блуждая между тем, что уже произошло, и тем, чему только предстоит случиться, Севи́ль становится свидетелем чужих историй... и невольно — частью их.

Но чем дальше она идёт, тем яснее ощущает:
этот путь ведёт к истине, от которой невозможно укрыться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Змея Спящая

Лимб

Глава 1

На старинных настенных часах стрелки показывали семь. Ранние, золотистые лучи солнца осторожно скользили по комнате, словно боялись нарушить её утренний покой. Они ложились косыми полосами на потемневшую от времени мебель, на старый комод с медной ручкой, на край покрывала — и всё вокруг оживало мягким, тёплым светом.

Окна были распахнуты настежь. В комнату проникал лёгкий, почти невесомый ветерок — тёплый, ласковый, с дыханием лета. Белая тюль, тонкая, как паутина, то поднималась, то плавно опускалась, словно дышала вместе с домом. С каждым её движением внутрь проникал свежий, чистый воздух, наполненный ароматом диких роз, что росли пышным кустом у самого окна. Запах был тёплый, немного пряный, и казалось, будто вся комната дышала розами.

Дом молчал. Он, как и весь посёлок, утонул в воскресном утреннем покое. Ни звука, ни шагов — только лёгкое шуршание листвы за окном да еле слышное тиканье часов. Мир, казалось, застыл на мгновение, ожидая чего-то тихого, доброго, едва заметного.

И вдруг — звук. Едва слышные, нерешительные шаги босых ног, осторожно приближающиеся к кровати. Севиль, ещё не до конца проснувшись, почувствовала это движение — как лёгкий отклик жизни в неподвижной тишине. Она приоткрыла глаза.

Перед ней стояла Мелек — её младшая сестрёнка. В белоснежной пижамке, с растрёпанными, мягкими волосами и сонными глазами, она казалась маленьким созданием из сна — смешным, трогательным, почти нереальным. В руках она сжимала уголок своей подушки, словно боялась отпустить сон окончательно. — Севиль... — тихо прошептала она.

Голос её был хриловат от сна, но в нём звучала какая-то утренняя нежность, такая простая и чистая, что сердце Севиль дрогнуло. Она улыбнулась — и утро стало ещё светлее.

Хотя Севиль уже с полчаса как проснулась и, с полузакрытыми глазами, нежилась в тёплой постели, наслаждаясь тишиной и покоем воскресного утра, она всё же продолжала притворяться спящей. Не услышав ответа, Мелек тихо наклонилась к сестре и нежно поцеловала её в щёку.

— Я тебя люблю, — сказала Мелек детским, звонким голоском, в котором звучала искренняя нежность.

Севиль медленно открыла глаза и взглянула на малышку. Её лицо озарила добрая улыбка.

— И я тебя люблю, моё сердце, — ответила она тихо и ласково, прижимая сестрёнку к себе.

Мелек устроилась рядом, укрывшись тёплым одеялом, и

закрыла глаза. Сладкий, утренний сон мягко окутал сестёр, словно невидимым покрывалом покоя.

Где-то за окном сонно прокричал петух, возвестив о пробуждении деревни. Почти каждое утро младшая сестра, спавшая в соседней кровати, просыпалась раньше всех и бо-сыми ножками подбегала к Севиль, чтобы прижаться к ней и заснуть вновь.

В полудрёме Мелек ласково гладила сестру по волосам, иногда целовала её в лоб — с нежностью, понятной лишь детям. Она обожала свою старшую сестру, любила её так глубоко и чисто, что, казалось, эта любовь была сильнее даже материнской.

На самом деле, Севиль и Мелек не были родными сёстрами. Когда Севиль была такой же крошкой, как сейчас Мелек — трёхлетней, с неуверенной походкой и большими доверчивыми глазами, — её удочерила мама Мелек.

Наиля ханым, прожив с мужем четыре года в браке, так и не смогла забеременеть. Надежда на материнство медленно угасала, и однажды супруги решились на шаг, который изменил их судьбу: они решили взять ребёнка из детского дома. В том детдоме работала санитаркой тётя Наиля, и именно по её знакомству им удалось оформить опеку.

Среди множества малышей супруги сразу заметили худенькую, светловолосую девочку с веснушками на лице. В её глазах, полных грусти и тихой покорности, было что-то трогательное. Но больше всего Севиль поразила их своим

поведением — спокойным, добрым, послушным. Казалось, эта маленькая девочка, словно по ошибке оказавшаяся в доме одиночества и ожидания, хранила в себе редкое достоинство и чистоту.

Севиль росла в любви и заботе. Наиля ханым души в ней не чаяла, и долгие годы в доме царило счастье. Но всё изменилось, когда спустя четырнадцать лет у Наили родилась собственная дочь — Мелек.

Радость от рождения ребёнка вскоре омрачилась бедой: отец, не дождавшись даже первого дня рождения новорождённой, ушёл из семьи. Он полюбил другую женщину. Причиной его ухода стала измена — холодная, горькая, оставившая в доме Наили лишь тишину и обиду.

Разлука опустила на душу Наили, как холодный туман на осеннее утро. Она переносила её тяжело, почти мучительно. Безысходность, глухая тоска и серая тень депрессии ещё долго не покидали её сердце. Она всё ещё любила — любила того, кто предал, кто разбил её доверие, как хрупкое стекло. И не могла понять, как всё это случилось. Ведь всю свою жизнь Наиля отдала мужу без остатка, стараясь быть для него примером терпения, преданности и тихой женской силы.

Теперь же дни её слились в одно бесконечное безвременье. Она лежала в постели, словно в плену собственной боли. Дом пустел и тосковал вместе с хозяйкой, дочери оставались без её ласки, а школа, где Наиля некогда с любовью

преподавала, казалась далёкой и чужой. Даже к самой себе она потеряла интерес — будто жизнь ушла, оставив после себя лишь бледную оболочку.

Севиль, видя всё это, не находила себе места. Маленькое сердце не понимало, почему мир вдруг стал таким холодным и непонятным. Ведь она горячо любила и приёмную мать, и отца, который теперь исчез из их жизни, оставив после себя пустоту. Девочка мечтала только об одном — вернуться туда, где когда-то смеялась, где всё было как прежде. Она даже пыталась найти путь обратно на Аиду, но все её старания оставались тщетными.

Шли месяцы. Севиль, взрослея не по годам, училась ухаживать за крошечной сестрёнкой: пеленала её неуверенными, но заботливыми руками, убаюкивала, глядя по тёплой спинке, и тихо напевала колыбельные, словно сама мать. Грудного молока у Наили не было — измученное тело отказалось откликаться на зов материнства, как будто вместе с предательством мужа угасла и её внутренняя сила.

Дни сменяли недели, и лишь через два месяца в душе Наили что-то дрогнуло. Она словно проснулась после долгого сна. Поборов боль и усталость, она вернулась к своим обязанностям, снова взяла на себя заботу о доме, о детях, о самой жизни. Постепенно в её взгляде появилось решимость — осознание, что теперь именно она должна стать сердцем и опорой семьи.

Она снова вышла на работу, и дом начал оживать. Севиль,

взрослея под её тихой опекой, помогала с малышкой и готовилась к выпускным экзаменам. Их будни были трудными, но в них вновь зажглось то, чего так не хватало все эти месяцы, — тихий, но живой свет надежды.

Мелек всё ещё спала, тихо посапывая во сне и обнимая Севиль за шею, словно боялась отпустить даже во сне. Прошёл час, и Севиль уже не могла снова уснуть. Осторожно высвободив руку, чтобы не разбудить любимое дитя, она на цыпочках вышла из комнаты и направилась вниз — на кухню, где всегда пахло тёплым хлебом и чаем.

Дом был окутан предутренней тишиной. Мама ещё спала, сестра тоже. Было то редкое время, когда мир будто замирал, и всё вокруг принадлежало только ей одной. Севиль поставила чайник на газ и на мгновение замерла у окна.

Снаружи раскинулся весь посёлок — крошечные дома, похожие на аккуратные коробочки, светлели в мягких лучах восхода. Дом Севиль стоял чуть выше остальных, на широкой скале, и отсюда весь мир виделся по-особенному. Всё было как на ладони: крыши, сады, узкие улочки, петляющие между заборами, и утренняя дымка, лежащая над деревьями.

Она любила эти минуты — ранние, прозрачные, когда тишина ещё не нарушена дневной суетой. Каждое утро, будь то понедельник или воскресенье, Севиль находила здесь своё тихое счастье. В старой, но уютной кухне с выцветшими занавесками она могла просто сидеть, смотреть в окно и меч-

тать — о будущем, о дороге, о жизни.

Невысокие домики с красными и серыми крышами выглядели особенно мило среди зелени садов. Издалека доносился негромкий говор птиц, а воздух был наполнен свежестью и лёгким ароматом роз. Эти розы росли повсюду — у окон, вдоль заборов, оплетали беседки и стены, словно стремились украсить каждый уголок. Они цвели до тех пор, пока осенний холод не напоминал о себе первым дыханием ветра.

Сейчас же стоял конец лета. Всё экзамены давно позади, и где-то внутри, под лёгким покоем, жила тихая тревога — результаты должны были выйти со дня на день. Но утро было таким ясным, что думать о волнениях не хотелось. Севиль налила себе чаю и улыбнулась: всё самое важное, казалось, только начиналось.

Смотря на любимый городок, залитый утренним светом, Севиль тихо улыбалась. Сердце её было полно благодарности — к Богу, к судьбе, к самой жизни. Она чувствовала себя счастливой и хранила это чувство как драгоценность. Но где-то глубоко внутри, в самой тайной частице души, жила память — о словах, которые когда-то перевернули её детство.

Севиль знала, что была приёмной. Узнала об этом случайно, в день, когда её родители ссорились. Тогда отец, собирая в спешке вещи, покидал дом. Мама, вся в слезах, упала перед ним на колени, умоляя не уходить, не разрушать семью. Севиль, спрятавшись за дверь, слышала каждое слово. И вдруг — тихий, надломленный шёпот матери: — Не превра-

щай свою родную дочь в такую же сироту, как Севиль...

Сначала смысл этих слов прошёл мимо сознания. Но сердце всё запомнило. И только спустя годы, не в силах больше носить в себе сомнение и тревогу, Севиль решилась спросить мать.

Мама долго молчала, потом тяжело вздохнула и, глядя в глаза дочери, начала говорить:

— Тебя нашёл твой отец. Это было ночью. Он возвращался со смены — ты ведь знаешь, он тогда работал врачом в городской больнице. Машина застряла на обочине, почти посреди дороги. Он вышел посмотреть под капот и вдруг услышал плач... — её голос дрогнул. — Ты лежала на сухих листьях, под большим каштаном, совсем одна, крошечная, среди тьмы и деревьев.

Мама опустила глаза. — Он отвёз тебя в полицейский участок, а оттуда тебя должны были передать в детский дом. Так и случилось. Но с тех пор он не мог забыть тебя. Три года он навещал тебя, приносил игрушки, рассказывал о тебе мне. Мы были молоды, думали, что у нас родится свой ребёнок... но всё откладывали. А потом поняли: ты уже наш ребёнок. Мы решили тебя удочерить.

Она замолчала, смахнув слёзы. — Мы жалели только об одном, — прошептала она, — зачем не забрали тебя сразу, в ту самую ночь, когда нашли одну, в этом холодном и жестоком мире.

Севиль не смогла удержаться. Слёзы текли по её лицу, па-

дая на подол платья. Она бросилась к матери, и они обнялись — крепко, как будто стараясь навсегда удержать эту минуту. Молча, обе благодарили Бога: мать — за чудесную дочь, а Севиль — за самую добрую, любящую маму на свете.

С тех пор Севиль жила с одним желанием — отплатить добротой и заботой за то бесконечное тепло, которое получила. Она следила за порядком в доме, помогала маме, оберегала младшую сестрёнку, училась прилежно, чтобы мать гордилась ею. И каждый раз, глядя на улыбающееся лицо матери, Севиль понимала — никакая кровь не делает людей ближе, чем любовь.

За дверью слышались лёгкие шаги босых ножек. Мелек, окончательно проснувшись, тихонько спускалась на кухню к сестре. Она точно знала — Севиль уже там, среди уютных запахов утра.

— Давай переоденемся и почистим зубы, Мелек, — мягко сказала Севиль, чуть улыбнувшись.

Она взяла сестру за крошечную тёплую ладошку и повела в ванную. Вскоре, когда утренние хлопоты были позади, девушки вернулись на кухню. Там их уже ждал аромат свежего чая. На столе лежали бутерброды с мягким сыром, а на сковороде дожидался слегка подрумяненный хлеб с хрустящей корочкой.

— Хочешь со мной поехать на рынок за продуктами? — спросила Севиль, бросив на сестрёнку лукавый взгляд.

Глаза Мелек мгновенно засветились радостью. — Да!

Очень хочу! — воскликнула она, хлопнув в ладоши.

— Тогда скорее одевайся, — улыбнулась Севиль. — Пусть мама пока поспит, она очень устала после курсов.

Наиля ханым почти каждый день ходила на курсы повышения квалификации, возвращаясь домой поздно вечером, утомлённая, но всё же светлая лицом — словно её наполняло чувство долга и любви к делу.

Мелек послушно встала из-за стола и вприпрыжку побегала в комнату. А во дворе, под небольшим навесом, уже ждал белый трёхколёсный велосипед с решётчатой корзиной позади. Он был настоящим помощником Севиль — её скромным транспортом и другом утренних поездок.

Каждое утро она ехала на нём на рынок неподалёку, покупала свежие продукты и аккуратно складывала их в корзину. Раньше она делала это одна, но теперь рядом была Мелек. И день сразу становился теплее, ярче и веселее — ведь рядом звенел её смех, а в сердце Севиль рождалось тихое, тёплое счастье.

Севиль уверенно тронулась в путь. Как всегда, прежде чем отправиться, сёстры поцеловали друг друга в щёки и обменялись нежными улыбками — утренним ритуалом, без которого день казался бы неполным.

Дорога к рынку вилась среди десятка фонарных столбов и таких же соседских домов. Изгибаясь, словно лениво потягиваясь под мягкими лучами солнца, она спускалась вниз, к центральной площади — туда, где раскинулся старый рынок.

Прежде чем рассказать о нём, стоит представить ту картину, что открывалась перед взором Севиль и Мелек. Городок был скромен, но очарователен. Здесь не было богатых особняков, тяжёлых ворот и холодных каменных стен. Нет, напротив — всё было просто, по-домашнему. Каждое жилище дышало теплом: кто-то высадил вдоль забора цветы, кто-то украсил сад крошечными фигурками, а где-то за калиткой лениво мяукала кошка. Всё выглядело немного хаотично, но именно в этом беспорядке и таилась своя неповторимая гармония — живая, настоящая, родная.

Преодолев двенадцать фонарных столбов и миновав знакомые дворы, сёстры наконец добрались до рынка. Там уже кипела жизнь. После девяти утра площадь оживала: продавцы раскладывали ящики со свежими фруктами и овощами, развешивали душистые пучки зелени, кто-то громко зазывал покупателей, а женщины неторопливо выбирали спелые помидоры и яблоки, вполголоса беседа друг с другом.

На площади было многолюдно, но удивительно спокойно — каждый был занят своим делом, и от этого царило особое, уютное оживление.

— Доброе утро! — поздоровалась Севиль с женщиной средних лет, лицо которой казалось знакомым. — Доброе утро, дочь моя! — с тёплой улыбкой ответила та.

— Доброе утро! — повторила Севиль, обращаясь уже к другой женщине, преклонных лет, имя которой так и не знала.

Здесь Севиль знала почти всех — лицами, не именами. Она здоровалась, обменивалась парой вежливых фраз, улыбалась, и этого было достаточно. Маленький городок жил своим размеренным утром, а в его неспешном дыхании чувствовалась простая, тихая радость — радость жизни.

А как можно было не радоваться жизни? Куда ни глянь — повсюду щедрые дары земли: хрустящие огурцы и налитые солнцем помидоры, сладкие и острые перцы, лоснящиеся баклажаны, нежные кабачки, стручки фасоли, душистый лук, рассыпчатый картофель. А рядом — сочные черешни, рубиновые вишни, пестрые арбузы, янтарные дыни, ароматная земляника, свежая зелень — петрушка, кинза, укроп, базилик... Какой дивный аромат! Какое буйство красок! Какой живописный, почти пейзажный, букет природы!

Севиль с улыбкой представляла, какой вкусный обед и ужин ждут их сегодня. Набрав нужное количество овощей и фруктов, расплатившись с продавцом, Севиль и Мелек уже собирались возвращаться домой, как вдруг заметили неподалёку небольшой киоск с сувенирами. Кажется, он только недавно открылся — раньше его здесь точно не было.

— Мелек, давай заглянем, посмотрим, — предложила Севиль, слегка сжав ладошку сестрёнки. Мелек радостно закивала.

Внутри магазина всё сияло и притягивало взгляд: полки ломились от ярких безделушек — игрушек, подсвечников, украшений, ободков для волос и прочих милых мелочей.

Мелек, захваченная восторгом, потянулась к изящной шляпке, с которой свисала кружевная лента и поблёскивала металлическая бабочка с разноцветными камушками.

— Можно мы купим шляпку? — спросила она, кружась перед зеркалом.

Шляпа удивительно шла её каштановым кудрям — Мелек напоминала фарфоровую куколку из детства.

— Конечно, милая, тебе очень идёт, — ответила Севиль с нежной улыбкой и расплатилась за покупку.

Уже собираясь уходить, Севиль вдруг заметила среди ювелирных изделий кулон с цепочкой из медового топаза. Простая оправка из старого золота, без лишних завитков и украшений, подчёркивала благородство камня. От каждого солнечного луча топаз вспыхивал мягкими бликами — словно хранил в себе частицу вечного света.

— Старинный экземпляр, — произнёс продавец, поправляя очки и внимательно взглянув на Севиль поверх них. — Камень редкий, из старой коллекции. Говорят, он приносит удачу и оберегает от зла.

Севиль невольно улыбнулась, но взгляд её неотрывно тянулся к кулону. Казалось, внутри топаза дремал крошечный огонёк, то вспыхивающий, то гаснущий — словно камень дышал. От него исходило тихое, едва уловимое тепло, и Севиль ощутила странное чувство: будто этот кулон давно ждал именно её.

— Можно посмотреть? — тихо спросила она.

Продавец осторожно положил украшение на бархатную подушечку. Севиль взяла его в ладонь — и ей почудилось, что время на мгновение остановилось. Все звуки рынка словно отдалились, растворились в каком-то прозрачном, светлом безмолвии.

Кулон лежал на бархатной подложке, будто крошечное солнце, пойманное в ловушку времени. Тёплый, густой свет топаза переливался медовыми и янтарными оттенками, словно внутри него медленно текла застывшая заря. Камень был огранён с изысканной точностью: каждая грань ловила свет и возвращала его мягким, почти живым сиянием.

Но стоило приглядеться внимательнее, как за этой чарующей красотой проступала тревожная, почти невыразимая тайна.

В самом сердце топаза, будто запечатанное в прозрачной глубине, находилось существо — неизвестное, невозможное, чуждое всему земному. Оно казалось насекомым, но формы его были странно изломаны, словно созданные не природой, а чьей-то древней, беспощадной фантазией. Тонкие, вытянутые конечности застыли в причудливом изгибе, а хрупкие, почти прозрачные крылья отливали тусклым металлическим блеском. Его тело, тёмное и неровное, будто впитало в себя свет камня, но не отражало его, а поглощало, создавая внутри кулона зловещую глубину.

И всё же, несмотря на эту пугающую, почти отталкивающую сущность, от кулона невозможно было отвести взгляд.

Он притягивал — не красотой одной, а странной, гипнотической силой, в которой страх и восхищение переплетались неразрывно. Казалось, что это существо не просто заключено в камне, а спит... или ждёт.

И в этом ожидании таилась тайна, от которой по коже пробегал холодок.

— Удивительно, — прошептала она. — Как будто он живой...

Продавец загадочно усмехнулся: — Всё, что создано с любовью, живёт по-своему.

Севиля молча кивнула. Ей хотелось верить, что в этих словах есть правда. Не колеблясь, она купила кулон и аккуратно надела его себе на шею. Камень лёг ровно на грудь, и лёгкий, почти невидимый трепет пробежал по телу — словно в знак того, что между ними установилась тайная связь.

Мелек, стоявшая рядом, смотрела на сестру с восхищением: — Он такой красивый, Севиля! Прямо как будто волшебный!

— Может, и правда волшебный, — ответила Севиля задумчиво, — кто знает...

Они вышли из лавки, и солнечный свет, отразившись в топазе, рассыпался вокруг золотистой пылью. Казалось, день стал ещё теплее, а воздух — чище и прозрачнее.

Когда дом погрузился в сон, и даже часы тикали тише, Севиля всё ещё не могла уснуть. Укутанная в мягкий плед, она сидела на плетёной кушетке и смотрела в окно. Небо, глубоко-

кое и безмолвное, было рассыпано звёздами — они мерцали, как крошечные бриллианты, на бархатной темноте ночи.

Где-то там, за пределами этого маленького городка, жил тот, о ком она так часто мечтала. Тот единственный, что, по велению судьбы, должен будет войти в её жизнь — стать её опорой, радостью и смыслом.

— Господи, — прошептала она, глядя на небо, — не дай ему пройти мимо. Пусть он найдёт меня. Пусть наша любовь будет настоящей, единственной, светлой.

Каждую ночь Севиль повторяла эту тихую молитву, будто разговаривая со звёздами. И звёзды, кажется, слушали её — дрожали и мерцали в ответ, словно обещая исполнить желание. Лёгкий ветер шевелил занавеску, приносил аромат тёплого лета и убаюкивал Севиль. Она заснула, не замечая, как голова её склонилась на подушку, а губы всё ещё хранили тёплую улыбку надежды.

Глава 2

Зазвонил звонок, и Севиль, лениво потянувшись, посмотрела на экран. На дисплее высветилось имя её самой близкой подруги — Эли. Их дружба тянулась с детских лет: вместе они гуляли по детскому саду, вместе познавали школьные тайны, а теперь, даже после окончания школы, их связь оставалась такой же тёплой и искренней.

— Алло, Севиль! — раздался знакомый голос Эли, весёлый и слегка взволнованный. — Привет из далёкого прошлого! Слушай, сегодня папа на работе, и там... они обнаружили какой-то подземный мир. Мама говорит, что это невероятно интересно и волнующе! Правда, пока всё строго секретно, никому не разрешают приближаться, но мне... мне позволили идти с ним.

Эля тихо захихикала, почти шепотом, словно делилась запретной тайной:

— Там такое обнаружили, с ума сойти! Короче, давай, поедем смотреть. Адрес я тебе отправлю: это старая лаборатория на окраине города, за старым мостом, улица Академическая, дом пятнадцать.

Слова сыпались так быстро, что Севиль не успела выговорить ни единого. Она лишь кивнула, чувствуя, как сердце учащённо бьётся от предвкушения, и повесила трубку.

Отец Эли давно трудился в этой области. Профессор исто-

рических наук, пожилой, с седыми усами и глубокими морщинами, он посвятил всю жизнь изучению древности. Женился поздно, и поэтому Эля появилась в семье лишь когда родители уже были зрелыми людьми. Будучи поздним ребёнком, она с детства привыкла к вниманию и заботе родителей, которые не отказывали дочери ни в чём. Избалованная, но в то же время любознательная и остроумная, Эля росла ребёнком, который умел добиваться своего с лёгкой улыбкой и блеском в глазах.

После разговора с Элей Севиль вдруг задумалась, стоит ли отправляться туда. Любовь к древности, которая жила в ней с детства, взяла верх: она всегда увлечённо читала книги, изучала старинные свитки, дни напролёт проводила в библиотеке, тщательно выискивая в истории забытые имена и события. Душа буквально подталкивала её к приключению, и, улыбнувшись предстоящей тайне, она быстро собралась и выбежала на улицу с лёгким, приподнятым настроением.

Сегодня Мелек должна была забрать мама, и как удачно! Севиль была свободна, как никогда, словно сама судьба предоставила ей возможность окунуться в неизведанное. Она надела свой лёгкий комбинезон, шляпку, прикрывающую голову от палящего солнца, и уселась на трёхколёсный велосипед, готовая к пути.

Эля ждала её у входа в пещеру, и как только увидела Севиль, радостно бросилась обнимать подругу детства. Она была невысокой, с короткими, чуть кучерявыми волосами тём-

но каштаного цвета, которые играли на солнце золотистыми отблесками. Глаза — такие же каштановые и искрящиеся — светились любопытством и азартом, а лёгкая улыбка, чуть приподнявшая уголки губ, придавала её лицу живость и озорство. В манере держаться чувствовалась привычка к самостоятельности: уверенно, энергично, словно каждая клетка её тела знала, что приключение — её стихия.

— Наконец-то! — воскликнула Эля, всё ещё удерживая Сивиль в крепких объятиях. — Я тебя так долго ждала, терпенье уже на исходе. Поторопимся, отец уже внутри. Мы здесь в качестве ассистентов, если что. И помни: ничего не трогай, ни на что не дыши, здесь всё старое, древнее и сыпучее. Ну ты всё так знаешь, не впервой.

Эля чуть наклонила голову, прищурилась, будто пытаюсь уловить ускользающую деталь, и её выражение незаметно изменилось — в нём появилась смесь любопытства и лёгкого, необъяснимого беспокойства. Свет топаза скользнул по её глазам, и на мгновение ей показалось, что внутри камня что-то дрогнуло... или это была всего лишь игра света.

— Какой интересный у тебя кулон... — произнесла она негромко, почти задумчиво, не сводя с него взгляда.

Севиль на секунду опустила глаза на украшение, и на её губах появилась едва уловимая, спокойная улыбка — словно она уже привыкла к этому странному, притягательному предмету и к тому, как он действует на других.

— Мне тоже так кажется, — ответила она мягко, почти

равнодушно.

Эля часто брала её с собой на работу к отцу — профессору исторических наук, который руководил археологическими раскопками. Посторонним строго запрещалось входить на эти территории: это были секретные исследования, где каждая находка могла иметь значение для науки и быть сохранена только для специалистов. Но Эля умела находить способ пробраться туда, где другие бы никогда не смогли.

Сначала профессор Гасанов был против, сдержанно выговаривая дочери, но, увидев, что Севиль и Эля ведут себя тихо, осторожно и помогают не хуже его работников, постепенно перестал выражать недовольство, просто не обращая на них внимания.

Севиль оглянулась вокруг. Пустынное место, где они находились, было суровым и почти необжитым. Скалистые выступы, обугленные солнцем, поднимались крутыми уступами, а между ними пролегали узкие тропинки из рыхлого камня и песка. Вдали виднелись редкие кусты, пересохшая трава и обломки камней, придавая местности вид заброшенной и таинственной. Вход в пещеру был как тёмная зияющая рана в скале, приглашавшая в глубины, где таились тайны прошлого. Лёгкий ветер приносил запах сухой земли и тёплого камня, а тишина, нарушаемая лишь отдалённым шелестом, казалась почти сакральной.

Севиль чувствовала, что каждый шаг сюда — не просто прогулка, а прикосновение к чему-то древнему и важному,

к тайне, которую открывают лишь единицы. И сердце её билось быстрее, предвкушая, что они вот-вот ступят за порог пещеры и окажутся в месте, где прошлое шепчет через камень, песок и древние артефакты.

Солнце ещё не успело разгорячить воздух, и дорога давалась легко. Ветер играл волосами и шёлками шляпки, а лёгкая прохлада добавляла ощущение свободы и предвкушения. Но чем ближе она подъезжала к пещере — месту их встречи с Элей, — тем сильнее припекало солнце, и Севиль почувствовала, как кожа постепенно окрашивается в яркий румянец, будто она превратилась в красного краба. Несмотря на это, азарт приключения и радость предстоящего открытия не оставляли ей ни секунды сомнений.

Возле входа было непривычно тихо.

Обычно на раскопках царил шум: голоса, шаги, движение. Но здесь всё было сдержанным.

Несколько рабочих стояли поодаль, переговариваясь вполголоса. Двое мужчин в касках внимательно осматривали приборы, а рядом аккуратно сложенные ящики и протянутые провода придавали месту вид организованной подготовки.

Людей было мало. Слишком мало. И это усиливало тревожное ощущение.

Профессор Гасанов стоял в глубине пещеры, наклонившись над аккуратно расставленными артефактами, когда он заметил движение у входа. Его взгляд мгновенно скользнул

к двум девочкам — Эле и Севиль. На мгновение на лице профессора отразилось лёгкое удивление, почти смешанное с привычной отеческой заботой.

Он был человеком добрым и добродушным; строгий порядок, царящий в пещере, вовсе не скрывал тепла его сердца. Но правила были правилами: посторонним, тем более девочкам, находиться здесь было нельзя. Тонкий слой раздражения мгновенно сменился мягкой улыбкой, едва заметной, которая дрогнула на губах профессора.

— Ах, вы опять здесь... — пробормотал он тихо, скорее для себя, чем для девочек, слегка качнув головой. — Впрочем... — и на мгновение замялся, тяжело вздохнув, словно споря с собственными принципами. — Ну, раз уж вы пришли, — продолжил он, осторожно, почти шепотом, — постарайтесь, чтобы ни один шаг не нарушил порядок. И ни на что не дышите. Всё здесь хрупкое, всё древнее...

Эля, заметив тёплую, но настороженную улыбку отца, кивнула, а Севиль, чувствуя волну уважения и трепета, чуть притихла. Она понимала: профессор не запрещал им быть здесь просто так, а скорее терпел их присутствие, доверяя их внимательности и осторожности.

В пещере стояла особая атмосфера: тихая, почти священная. Каждый звук казался громче — стук инструментов, шорох песка, тихий шелест одежды. Севиль ощущала, как строгая, но мягкая доброжелательность профессора создаёт невидимую границу между игрой и реальной опасностью для

древних артефактов. Здесь нельзя было ошибиться, и это делало каждый её шаг значимым.

— Ведите себя тихо, — добавил профессор, уже не поднимая глаз от своей работы. — Но... я знаю, что вы умеете слушать.

Эти слова прозвучали почти как разрешение, тихое и доверительное, и Севиль почувствовала, как внутренняя тревога растворяется, уступая место азарту открытия. Она поняла: профессор не запрещал им быть здесь из злости, а потому, что доверял осторожности своих девочек. И это доверие делало всё происходящее ещё более ценным и почти священным.

Профессор, несмотря на строгий тон, в глазах которого светилась искренняя радость открытия, пригласил Элю и Севиль идти за ним.

Он первым шагнул в узкий, тёмный проём, где воздух казался неподвижным, будто застывшим в ожидании. Севиль на мгновение задержалась у входа, вслушиваясь в эту глухую, древнюю тишину, а затем последовала за ними.

Сразу за проёмом начинались ступени.

Они уходили вниз крутой, извилистой лентой, вырубленной в камне так давно, что время успело стереть их форму, но не силу. Ступени были неровными, истёртыми, с опасно сглаженными краями, и каждый шаг требовал осторожности. Под ногами скользила холодная пыль, а стены, влажные и шероховатые, хранили на себе следы — тонкие бороз-

ды, едва заметные знаки, словно чьи-то забытые письма.

Свет фонаря дрожал, цепляясь за выступы, вытягивая из тьмы то грубые изломы скал, то странные углубления, похожие на выдолбленные ниши. Тени, длинные и тревожные, скользили по стенам, оживая при каждом движении.

Чем ниже они спускались, тем гуще становился воздух — тяжёлый, прохладный, насыщенный запахом камня и вековой тишины.

— Осторожнее, — тихо произнёс профессор, не оборачиваясь. — Эти ступени старше всего, что мы видели наверху.

Его голос звучал здесь глухо, словно растворяясь в глубине.

Наконец спуск закончился.

Перед ними открылось первое помещение — низкое, вытянутое, с неровными стенами, будто выдолбленными не руками, а временем. Потолок нависал тяжёлым каменным сводом, испещрённым трещинами. Вдоль стен тянулись углубления, похожие на древние ниши, в которых когда-то, возможно, стояли светильники или хранились предметы, давно исчезнувшие.

Они прошли дальше.

Коридор, узкий и извилистый, словно каменная артерия, вёл их вглубь. Он то сужался, заставляя идти боком, то неожиданно расширялся, открывая новые пространства — тихие, забытые, наполненные странным, почти ощутимым присутствием.

В одном из залов стены были покрыты рельефами. Севиль остановилась, проводя пальцами по холодному камню. Фигуры были вытянутыми, искажёнными, с длинными руками и лишёнными глаз лицами. Их силуэты тянулись вверх, будто в молчаливом призыве или мольбе. Камень под пальцами был гладким, словно отполированным временем или прикосновениями.

— Это не просто украшение, — прошептала Эля. Профессор кивнул, едва заметно.

— Это язык, — ответил он. — Или его тень.

Они двинулись дальше.

Следующее помещение было шире. Пол здесь был выложен каменными плитами, на которых пересекались линии, складываясь в сложные, почти гипнотические узоры. Севиль на мгновение задержалась, почувствовав странное головокружение, будто рисунок под её ногами не был неподвижным, а едва заметно смещался, дышал.

Свет фонаря скользил по полу, и казалось, что линии отвечают ему — тихим, незримым движением.

Переходы становились всё сложнее. Повороты — резче, пространства — глубже. Иногда из тьмы впереди доносился слабый звук — неясный, будто эхо чужого шага или отголосок давнего присутствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.